

The illustration depicts a young woman with short, wavy brown hair and a surprised expression, looking directly at the viewer. She is wearing a brown, high-collared dress with a floral pattern on the bodice. Her hands are raised in front of her, palms facing up, with white, wispy energy or smoke emanating from them. Behind her, three dark, hooded figures stand in silhouette against a background of intense, swirling orange and red flames. The overall style is a detailed, painterly illustration with a dark, atmospheric tone.

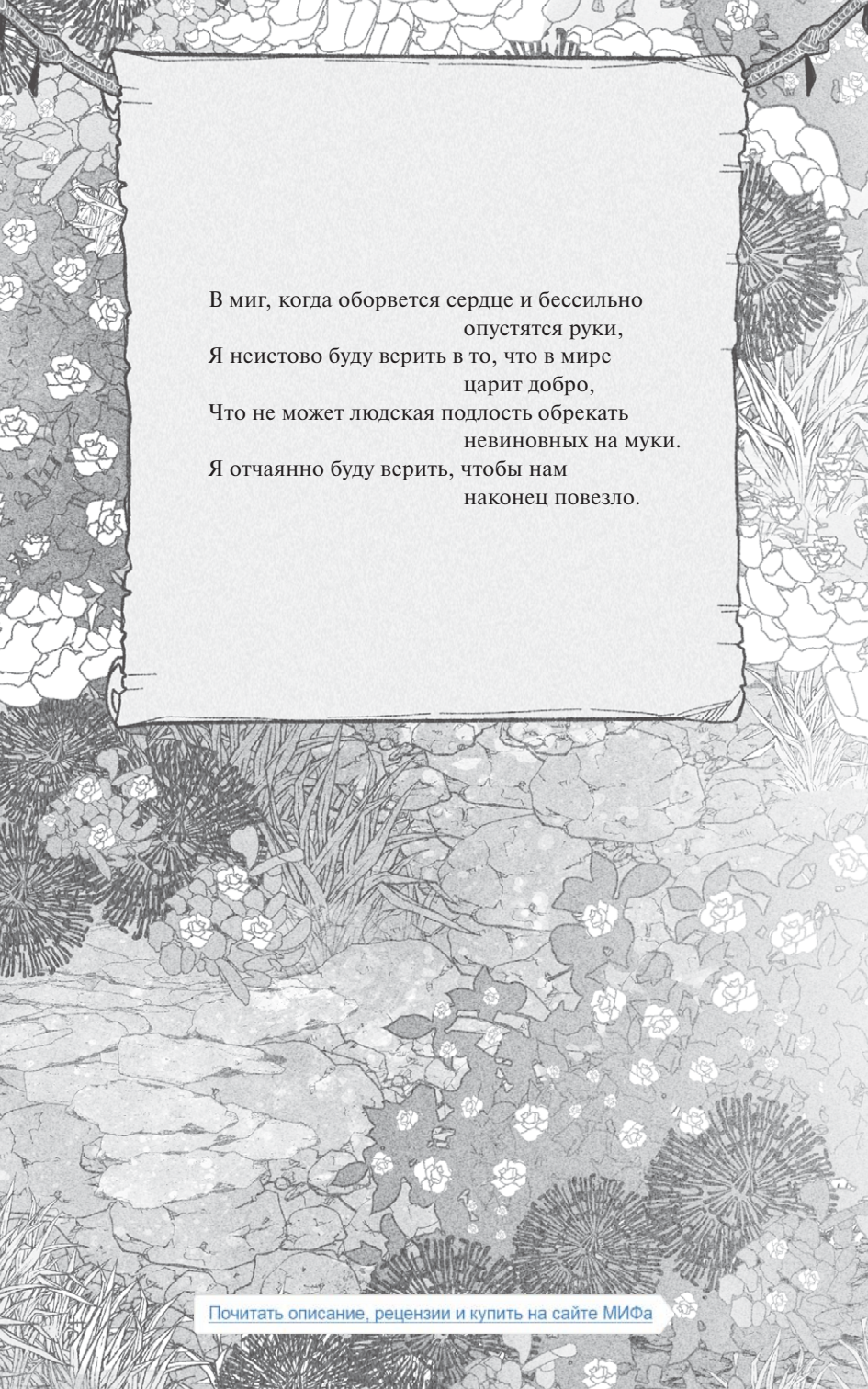
НАТАЛЬЯ СПОСОБИНА

ПРЯДУЩАЯ

И ПРИВЕДУТ ДОРОГИ

фэнтези

МИО

В миг, когда оборвется сердце и бессильно
опустятся руки,
Я неистово буду верить в то, что в мире
царит добро,
Что не может людская подлость обречь
невиновных на муки.
Я отчаянно буду верить, чтобы нам
наконец повезло.

ГЛАВА 1

Если бы мне когда-то сказали, что я попаду в собственную книгу и окажусь в окружении придуманных мною героев, я, как любой нормальный человек, конечно же, не поверила бы. А если бы даже задумалась всерьез о такой перспективе, то решила бы, что это могло бы превратиться в отличное приключение. Вот только когда я каким-то образом в это приключение все-таки вляпалась, оказалось, что мир этот отнюдь не сказочный. Здесь пятнадцатилетние девочки по своей воле уходили из жизни вслед за погибшими возлюбленными, и никто не пытался их остановить, смерти были настоящими — со слезами осиротевших родных и едким дымом погребальных костров, а тот, кого ты считала другом, вдруг оказывался врагом.

Но самое обидное заключалось в другом: тот, кто вписал меня в древние легенды и предания этого мира, почему-то не озаботился тем, чтобы наделить меня силой, мудростью или каким-нибудь тайным знанием, которое подсказало бы, как выжить самой и уберечь тех, кто стал мне дорог. Все, что я получила, — туманное объяснение, что я прядущая и оказалась здесь, чтобы сохранить жизнь Радимиру, воеводе города Свирь. Попутно я, кажется, умудрилась влюбиться и теперь не знала, как мне спасти не только Радима, но и хванского мальчишку, побратима воеводы.

Отличный квест, которым меня озадачил беговый хвонец, прежде чем воины князя утащили его в неизвестном направлении. Учитывая, что перед этим он разорвал побратимство с воеводой, я имела неплохие шансы больше никогда его не увидеть, и эта мысль сводила меня с ума гораздо сильнее, чем страх за собственную жизнь.

Мое сердце то и дело замирало от ужаса, когда мозг подсовывал картинки возможного будущего Альгидраса: одну страшнее другой. Неизвестность — вот что угнетало меня больше всего. Ведь, что бы ни происходило в Свири, женщине скажут об этом в последнюю очередь. Особенно мне, оказавшейся на месте сестры воеводы, которую вся родня старалась оберегать от потрясений. Отчаяние заставляло меня метаться по двору, заламывая руки, в тщетных попытках найти способ узнать новости. Выйти со двора я не могла, потому что воевода запретил, да и появляться на улицах города без сопровождения после покушения на мою жизнь мне вроде как тоже было запрещено. Хотя собственная безопасность волновала меня сейчас меньше всего.

Сжав виски, я опустилась на лавку, в сотый раз проклиная день, когда мне вздумалось написать роман о городе-заставе. Огромный пес тоненько заскулил у будки. Он, подобно мне, до этого метался по двору, насколько позволяла цепь, а теперь прилег, опустив морду на лапы.

— Не скули, Серый. И так тошно, — попросила я. — Все хорошо будет.

Пес снова заскулил. Мы оба с ним понимали, что ничего хорошего не будет. Не в этой истории.

Серый вдруг вскинул голову и тут же подскочил. Спустя миг в ворота постучали. Я вздрогнула и поспешила открыть, уже даже не гадая, кто бы это мог быть.

На вошедшей Добронеге не было лица, из чего я сделала вывод, что мать Радима в курсе случившегося. Она рассеянно откликнулась на мое приветствие, потрепала пса по голове и пошла к дому, сжимая в руках плетеную корзинку. Поставив корзинку у крыльца, Добронег вынула из нее несколько связок трав и молча отправилась в дом. Я последовала за ней.

Добронегу я нашла в сених. Она ловко обматывала связки грубой ниткой и подвязывала к веревке, тянувшейся под самым потолком вдоль стены. Взяв один из пучков, я начала его обматывать. Получалось у меня и в половину не так хорошо, как у нее. Я попыталась привязать связку, но руки сорвались, и я больно оцарапала палец о гвоздь. Добронег забрала у меня травы, а я, подув на палец, обратилась к матери Радима:

— Что теперь будет, а?

Добронег скрутила петельку, молча встала на цыпочки и накинула ее на гвоздь, затягивая потуже, после чего аккуратно расправила травы, чтобы лучше сохли, и только потом повернулась ко мне. Она взяла меня за руку, осмотрела пораненный палец и сказала:

— Ну, ничего. Заживет. Царапина, — и больно сжала мою руку.

Кажется, в эту минуту ей самой поддержка нужна была гораздо больше, чем мне, поэтому я обняла мать Радима.

— Все будет хорошо, да? — спросила я.

Она обняла меня в ответ так крепко, как, пожалуй, никогда еще не обнимала, и сказала:

— Конечно, все образуется, дочка. Князь не допустит расправы над невинным.

Впрочем, уверенности в ее голосе не было вовсе. И от этого беспомощное объятие и беспомощная ложь

выглядели еще страшнее. Я заглянула в голубые глаза матери Радима. Ожидала увидеть слезы, но взгляд Добронеги был абсолютно ясным. И очень решительным.

— Ранен он, — проговорила она.

Я вздрогнула.

— Кто ранен?

— Олег ранен, надо ему мазь снести.

Она направилась в дом, и я бросилась следом.

— Как ранен? Когда?

Почему-то я подумала, что, когда его забрали со двора, с ним что-то сделали. Добронега обернулась ко мне и посмотрела слегка растерянно:

— Так кварской стрелой. Да пес еще подрал.

Я почувствовала такое неимоверное облегчение, как будто мне сказали, что Альгидраса уже освободили. На нетвердых ногах я добралась до стены, провела по ней рукой и, ощутив опору, прислонилась спиной.

— Что ж так пугать-то? — пробормотала я себе под нос. — Я уж думала, что люди князя что-то сделали...

Добронега внимательно на меня посмотрела и медленно покачала головой.

— Не сделают они ничего без суда. С побратимом воеводы даже человек князя ничего без суда не сделает.

— Так он же... — начала я и внезапно осознала, что Добронега не в курсе.

Случившееся во дворе этого дома осталось тайной, о которой в Свири пока никто не знал. Кроме дружинников, которые увели Альгидраса. И как раз они-то могут сделать все что угодно.

— Пойдем быстрее, снесем мазь.

Бросившись к полкам, я начала снимать горшки... Добронега посмотрела на меня удивленно, впрочем, удивление быстро сменилось усталой улыбкой.

— Не те горшки берешь, — посетовала она. — Вот тот, дальний.

Схватив указанный горшок, я протянула его ей.

— Корзина на улице... — Добронег еще не договорила, а я уже выбежала на крыльцо, схватила оставленную ею корзинку, вытряхнула из нее остатки травы и прибежала обратно.

Спустя пару минут мы заперли калитку, оставив во дворе притихшего Серого, и поспешили по тихим улочкам спасти бестолкового мальчишку. Шли мы довольно долго. Судя по шуму Стремны, мы оказались недалеко от внешних стен, в той части города, куда я еще не забиралась. За очередным поворотом перед нами вырос глухой забор, и я испугалась, что Добронег от расстройства свернула не туда и мы заблудились. Однако, приблизившись, увидела в заборе неприметную калитку, которую Добронег не мешкая толкнула. Мы вошли в небольшой двор, чем-то похожий на двор при дружинной избе. Справа от входа были аккуратно сложены дрова. Напротив калитки, вдоль всего противоположного забора, тянулась изба с низким навесом, в которой не было ни одного окна. Тут же из-под навеса показался человек в цветах князя Любима. Он был молод, но движения выдавали в нем бывалого воина.

— Вам нельзя сюда, — приблизившись, без улыбки отчеканил мужчина и покосился за наши спины.

Я тоже посмотрела туда, но увидела только затворенную мною калитку. Он что, ожидал, что мы здесь с подмогой?

— Олег ранен, — негромко произнесла Добронег, приподнимая покрытую тканью корзину. — Мазь здесь и настой. Можешь проверить.

— Князь запретил.

— Что запретил? — все так же спокойно откликнулась Добронегга, и я поразилась тому, как она держалась. У меня самой зуб на зуб не попадал.

— Запретил к хванцу кого-либо пускать!

— Травниц пускали всегда, Вадим. Даже к врагам, что в плену. А уж к своим...

В голосе Добронегги слышался холод. Воин на миг тушевался, а потом тяжело вздохнул.

— Уходите. Не пущу я.

В этот момент я вдруг осознала, что все это по-настоящему. Альгидраса не просто арестовали. К нему еще и не пускают. Я ведь могу никогда его больше не увидеть. Сразу вспомнились погребальные костры и то, что смерти здесь совсем не книжные. Его «мне вскоре надо будет уехать из Свири» предстало вдруг в новом свете. Что, если его самого просто не станет?

Все эти мысли промелькнули в моей голове за считанные секунды, пока Добронегга молча смотрела на княжеского воина. Я с ужасом поняла, что она ничего не сможет сделать. Более того, я не была уверена в том, станет ли она вообще пытаться, ведь женщины в этом мире были почти бесправны и уж точно бессильны.

Внезапно скрипнула дверь избы, и по узенькому крыльцу сбежал дружинник в красном плаще. Плечи Добронегги тотчас расслабились.

— Добронегга? Что случилось? — встревоженно спросил дружинник, переводя взгляд с матери Радима на княжеского воина.

Его лицо показалось мне смутно знакомым, но, только когда он подошел совсем близко, я смогла его вспомнить. В самую первую прогулку по Свири я прибежала в дружинную избу и поздоровалась тогда с кучей полуголых незнакомых мужчин. Этот воин стоял ближе всех

и первым ответил на приветствие, и я поразилась тому, какие у него неправдоподобно синие глаза. Даже списала это на то, что они так выделялись на фоне измазанного лица. Сейчас лицо его было чистым, но глаза казались все такими же яркими.

— Олег ранен, как помнишь. Кварской стрелой. Раны обработать надобно.

Дружинник нахмурился.

— Ра-а-анен, — протянул он. — Я забыл совсем. Иди. Там. В клетки.

Однако, стоило Добронеге сделать шаг в указанную сторону, как княжеский воин подал голос:

— Ростислав, князь не велел. Ты не хуже меня слышал.

— Мать воеводы пройдет туда, куда ей надобно, — голос Ростислава звучал спокойно, но то, как он смотрел при этом на княжеского воина, говорило само за себя. Они были по разные стороны, и оба это очень хорошо понимали.

— Приказ князя, — упрямо повторил Вадим.

В это время по тем же ступеням сбежал второй свирский воин, молча пересек двор, кивнул Добронеге и скользнул нам за спину. Я нервно оглянулась и увидела, что он так же молча запирает калитку изнутри, отрезая нас всех от внешнего мира.

— Вадим, — негромко проговорил Ростислав. — Мать воеводы пройдет. И князь ее не остановит. Не доводи до беды. Раны обработать недолго. Мы дольше тут стоим.

— Приказ князя!

— Вот заладил, — возвел глаза к небу Ростислав. — Где это видано, чтобы раненому помощь не оказали?

— Он осужден.

— И что? Вот как казнят, так и говорить не о чем будет. А пока пусть идет.

— Он даже не побратим воеводы больше, — негромко произнес Вадим, касаясь рукояти меча. — Ради чего на измену идешь?

— Побратим — не побратим, это не нашего ума дело. Он — свирский воин. И измены здесь нет, Вадим. Измена — это когда своего в беде бросаешь.

— Измена — это идти поперек приказа князя.

— Свирь служит Радимиру, Вадим! — Рука Ростислава тоже скользнула к поясу.

— Князь всему голова!

— Не здесь. Мы зря спорим. Они пройдут, и князь ни о чем не узнает.

— Я прямо сейчас ему скажу.

Я сглотнула, следя за рукой Ростислава. Смуглая ладонь легла на рукоять, и меч медленно пополз из ножен. Солнце заблестело на лезвии.

— Если ты скажешь князю, накличешь беду. Вас мало здесь, Вадим. А Свирь за Радимира встанет. Так что ты останешься здесь, и столько хороших людей завтра солнышко увидят.

— Нас немного, ты прав. Но каждый — отменный воин.

— Так и мы тут не зря хлеб едим, — коротко улыбнулся Ростислав. — Ты не выйдешь. Видят боги, я не хочу причинять вред, но сделаю.

— Так коль меня убьешь, с хванцем в клети окажешься. За убийство-то воина из личной дружины князя!

— Что ты! Какая клеть?! — с напускным удивлением воскликнул Ростислав. — Все подтвердят, что мы с тобой поссорились. Молоды да горячи, девку не поделили, м? — Ростислав внезапно повернулся ко мне и весело подмигнул. — В Свири вон какие красавицы. До беды недалеко.

Я покосилась на Добронегу, ожидая, что она хоть здесь вмешается. А что, если они вправду друг друга убьют? Это же будет настоящая катастрофа. Радим от одной-то беды неизвестно как оправится! Но Добронег молча смотрела в землю. Я попыталась вдохнуть полной грудью, потому что внезапно почувствовала дурноту, и закашлялась. Со мной это иногда случалось.

Все обернулись в мою сторону. Вадим смотрел пристально, словно я только что совершила диверсию, Ростислав — напряженно.

— А мне что так, что так головы не сносить, — озвучил свою мысль Вадим, глядя прямо на меня. — Князь крут, сами знаете.

Мне вдруг стало невероятно жалко этого воина, который просто выполнял приказ. Ведь он не желал нам зла. Лязгнул меч, и я вздрогнула. Но оказалось, что это Ростислав всего лишь вложил свой меч в ножны.

— Князь не узнает. — Смуглая рука опустилась на плечо в синем плаще. — Они быстро. Да, Добронег?

— Мы быстро, — откликнулась Добронег и устало улыбнулась: — Спасибо, Вадим. Я этого не забуду.

Вадим дернул плечом, сбрасывая ладонь Ростислава, но было видно, что напряжение спало.

Добронег потянула меня по двору вдоль забора, и я быстро пошла за ней, все еще оглядываясь на воинов. Ростислав, склонив голову набок, разглядывал Вадима, а тот ковырял землю носком сапога. Второй свирский воин подпирал плечом запертую калитку.

Я шла за Добронегой, стараясь не думать о том, что сейчас произошло, и вместе с тем понимая, что звук, с которым меч покидает ножны, и то, как в мгновение ока обычные мужчины превратились в воинов, готовых убивать, я забуду очень скоро.

Оказалось, что двор вовсе не прямоугольный: забор уходил влево, огибая скрытую от посторонних глаз часть двора. Стоило мне свернуть за Добронегой, как все мысли тут же вылетели из головы. Здесь стояло что-то похожее на телегу. Только вместо колес днище подпирали толстые пни. «Телегу» оплетала деревянная решетка. Прутья были связаны веревками в местах перекрестиев. По большому счету, прутья можно было бы распилить, а веревки разрезать, но пленникам вряд ли оставляли кинжалы.

Я прокручивала эти нелепые мысли в голове, изучая клеть и всеми силами оттягивая момент, когда придется смотреть на Альгидраса. Я ведь ничем не могла ему помочь. Как же я буду жить, если с ним что-то случится?! И дело даже не в какой-то там любви! Мою душу жгло осознание того, что трагедия свершается прямо сейчас, на моих глазах, а я стою в стороне и ничего не делаю. Как тогда у погребальных костров.

Наконец я решилась посмотреть на хванца. Он сидел на полу у самой решетки, высунув правую руку наружу, и Добронегу обрабатывала его запястье. Вот уж кто не рефлексировал, а действовал. Приблизившись почти вплотную к клетке, я стала наблюдать, как Добронегу ловко накладывает повязку поверх густого слоя мази.

— Как там? — подала я голос.

Мать Радима лишь покачала головой, а Альгидрас поднял взгляд на меня. Я глубоко вздохнула и заставила себя посмотреть ему в лицо. Ничего. Я выдержу. Выдержала же разговор о гибели его деревни. И сейчас смогу.

Ко лбу Альгидраса прилипли мокрые пряди, на переносице были разводы грязи, а нижняя губа кровоточила. То ли он ее прокусил со своей извечной привычкой кусать

губу в моменты раздумий, то ли его все же избили. Мне очень хотелось узнать, что еще пострадало, но я не знала, как спросить. А потом посмотрела в серые глаза, и все вдруг стало неважно. Почему я должна подбирать слова или думать о последствиях? Возможно, я вижу его в последний раз.

— Что еще пострадало? — тихо спросила я.

После бесконечно долгого взгляда он помотал головой. Это могло означать как то, что он не пострадал, так и то, что ничего он мне не скажет. Впрочем, правильно. Кто я такая? Я усмехнулась и уже собралась обратиться с тем же вопросом к матери Радима, когда заметила какую-то странность. Альгидрас по-прежнему смотрел прямо мне в глаза, и взгляд его был таким, словно он то ли пытался что-то понять для себя, то ли что-то мне сказать. Вот только что?

Я нахмурилась и помотала головой, давая понять, что не понимаю, чего он хочет. Альгидрас покусал нижнюю губу, и та начала кровоточить сильнее.

— Кровь, — не удержалась я.

— Пустое, — ответил он, по-прежнему глядя мне в глаза.

— Все, — сказал Добронег, и мы оба вздрогнули от неожиданности. — На, попей!

Мать Радима извлекла из корзины кувшинчик с каким-то напитком, вынула пробку из горлышка. Альгидрас суетливо сдвинулся, чтобы оказаться еще ближе к решетке, оглядел ее и вынес вердикт:

— Не пройдет. Ростислав через решетку воду лил.

Тут я поняла, что волосы на его голове мокрые не только от пота. Видимо, Ростислав усердно поил пленника: мокрыми были еще ворот, штаны и солома на досках у решетки.

— Через решетку пей, — все так же тихо сказала Добронег, и только тут я наконец посмотрела на нее.

Она выглядела не просто уставшей и осунувшейся. Она выглядела как человек, в семье которого случилось горе.

Альгидрас меж тем встал на колени и прижался лицом к решетке. Добронег поднесла к его губам кувшин. Мне почему-то стало неловко, и я отвела взгляд только затем, чтобы обнаружить, что он босиком. Интересно, почему? Я зачем-то рассматривала его испачканные в земле пятки и думала о том, что это все напоминает фарс. Мне страшно захотелось проснуться в своей спальне, в своем мире, подальше от Свири, которая отнимала у меня слишком много. Гораздо больше, чем давала.

Альгидрас напился и скованно поблагодарил Добронегу. Я видела, что ему очень неловко. Сперва я списала это на свое присутствие, но потом хванец набрался смелости коснуться руки Добронег, которая словно специально не стала сразу отнимать кувшин, и едва слышно спросил:

— Как Радим?

И тут я поняла, что дело совсем не во мне. Альгидрас разорвал побратимство. Для меня побратимство было лишь словом, но для них это было совсем иначе.

— А сам как думаешь? — резко спросила Добронег, отступая прочь от клетки. — Мечется, точно зверь раненый. Ты, коль ранить его хотел, ничего лучше придумать не мог.

Выходит, она знала о разрыве побратимства. Просто не хотела обсуждать это со Всемилой. Альгидрас медленно опустил на пятки и сложил руки на коленях. Я заметила, что его пальцы слегка подрагивали.

— Я не мог иначе. Против меня все. Даже свидетель нашелся, — горько усмехнулся он. — Я не делал этого,

Добронеге, а Радим стал бы меня защищать — сама знаешь. Только против кого? Против князя? Так князю только того и надо, чтобы была причина Свирь усмирить.

Добронеге покачала головой.

— Глупый ты еще, Олег. Хоть и вырос вроде. Не знаю, как было в ваших краях, но у нас брат стоит за брата до последнего, а не бежит, точно крыса.

Альгидрас побледнел так, что я всерьез решила, что он свалится в обморок. Я повернулась к Добронеге, открыла рот, чтобы что-нибудь сказать, да так и закрыла. Мать Радима говорила серьезно. И Альгидрас так же всерьез был задет ее словами. Вот такими они были, люди этого мира: слова ранили их, точно кинжалы. Видно, они еще не знали, что можно просто пропускать их мимо ушей. Или же, наоборот, слишком хорошо знали то, что давно забыли в моем мире: каждое слово имеет свою цену.

— Добронеге, — Ростислав вырос рядом с нами, точно из-под земли, — Малуш прибежал. Сказал, князь сюда собирается. Уходите мокрой тропкой.

Сказав это, он исчез за поворотом. Добронеге быстро собрала все, что успела вынуть из корзины, шагнула прочь, потом резко остановилась и вернулась к клетке. Протянув руку, она ласково убрала мокрые пряди со лба Альгидраса. И так ее жест не вязался с тем, что она говорила до этого, что у меня зашипало в глазах. Я сглотнула, стараясь взять себя в руки.

— Да хранят тебя боги, сынок, — прошептала она и, дернув меня за рукав, быстро пошла прочь.

Я двинулась было за ней, но поняла, что не могу уйти просто так.

— Я быстро, — шепнула я Добронеге и бросилась назад.

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Взрослые книги:

Проза:

Детские книги:

